Текст · 27 июня 2023, 08:02
Анна Павлова,

«Напишите хоть кто-нибудь, хоть что-нибудь». Волонтерка из Херсона уже год в крымском СИЗО — ей не предъявляют обвинения, но и не отпускают домой

По данным украинских властей, с начала войны российскими силовиками были похищены более 1 100 херсонцев. В это число входят главы городов, сельские головы, председатели сельсоветов, старосты сел, а также депутаты, правоохранители, священники, активисты и просто мирные жители. Большинство из них в итоге освободили, но в российском плену, утверждает областная прокуратура, остаются 474 человека. Среди них — 38-летняя тестировщица из Херсона, развозившая после начала войны продукты и лекарства жителям оккупированной территории. «Медиазона» рассказывает историю Ирины Горобцовой, которую похитили в день ее рождения в мае прошлого года и с тех пор держат в СИЗО Симферополя. Ей не предъявляют обвинений, не пускают к ней адвоката и запрещают даже переписываться с родными.

«Нам с вами важно сейчас понимать одно — про нас не забыли, нас не оставили, ЗСУ[1] двигается в нашем направлении. Медленно (для этого есть ряд причин), но двигается. Только это должно иметь для нас с вами значение».

Так в конце апреля прошлого года волонтерка Ирина Горобцова из Херсона подбадривала[2] жителей оккупированного города.

«От того, что сняли флаг с нашего горсовета, ЗСУ не перестали двигаться в нашем направлении, — писала она в посте. — От того, что на рынок завезли российские яйца, ЗСУ не перестали двигаться в нашем направлении. От того, что в городе есть коллаборанты и сейчас со всех щелей повылезала на свет божий всякая мразота, ЗСУ не перестали двигаться в нашем направлении. И не перестанут».

Херсон украинским военным удалось освободить в ноябре 2022 года. За полгода до этого Ирину прямо из дома похитили российские силовики. С тех пор 38-летняя Горобцова находится в СИЗО Симферополя.

«Десять человек машут флагами, а город против». Жизнь под оккупацией

Херсонка Ирина Горобцова по первому образованию физик, работала тестировщицей[3] в *IT*-компании и параллельно училась на психолога, рассказывает ее старшая сестра Елена Корний: «Она все время совершенствовалась, все время развивалась — ходила на барабаны, занималась плаванием, очень любила путешествовать. Она очень добрый, отзывчивый человек, очень любит общаться, у нее очень много друзей».

Херсон был единственным областным центром, который российским военным удалось занять сразу

после начала вторжения. Его оккупировали в первых числах марта. После оккупации Ирина решила остаться в городе и активно включилась в волонтерство.

Из-за вторжения область оказалась отрезана от поставок еды и лекарств — и того и другого стало катастрофически не хватать, вспоминает Елена, которая тоже не сразу покинула родной город. *Guardian* тогда писала, что отсутствие лекарств унесло больше жизней мирных жителей, чем снаряды — массированно обстреливать Херсон российская армия начала только после деоккупации.

«Первым делом она на все свои деньги, все сбережения купила медикаменты: обезболивающее, противовоспалительное, шприцы и бинты, — рассказывает сестра Горобцовой. — На тот момент стали закрываться аптеки, все магазины, нам разбили все заправки. Что она смогла купить, то отвезла в госпиталь раненым».

Отстаивая многочасовые очереди, чтобы заправить машину, Ирина потом возила на ней медиков в больницы, а после дежурств — по домам, потому что общественный транспорт в городе тоже не работал. Вместе с матерью Горобцова развозила продукты, средства гигиены и медикаменты по всей области.

На российское вторжение херсонцы отреагировали акциями протеста, к которым присоединилась и Ирина. Первая такая акция 5 марта собрала несколько тысяч человек; люди вышли на улицы с украинскими флагами, пели гимн и скандировали: «Херсон це Україна». Тогда по всем соцсетям разлетелось видео-

, на котором местный житель на ходу залез на российский БТР и начал размахивать флагом Украины.

«В этот момент Сальдо[4], бывший мэр Херсона, с десятком человек возле Вечного огня стояли, махали [российскими] флагами, — говорит Елена, которая тоже вместе с родными участвовала в протестах. — И он на камеру рассказывал, что Херсон за Россию. Понимаете, в чем фокус? Десять человек стоят, машут флагами, а здесь идет город против».

Первый митинг прошел мирно, вспоминает Корний, но потом в город привезли росгвардейцев, и протестовавших начали разгонять шумовыми гранатами, слезоточивым газом и выстрелами — сначала в воздух, а потом и по людям. То же происходило и в других оккупированных городах Украины: на акции протеста российские силовики ответили похищениями местных активистов, допросами и пытками. Это привело к тому, что митинги становились малолюднее, а вскоре и совсем прекратились.

Оставаться в городе было все страшнее, говорит Корний: российские военные ставили технику и пусковые установки прямо в жилых кварталах и обстреливали из них соседнюю Николаевскую область. «Это было очень громко, просто залп за залпом, — вспоминает женщина. — А потом мы слышали, как эта техника ехала по нашей улице. И они просвечивают все дома, все квартиры прожектором, чтобы ты боялся не то что высунуться, даже пошевелиться, находясь у себя в доме».

В начале апреля Корний с семьей решила уехать из Херсона. В городе все сложнее было достать еду, а у людей заканчивались деньги. Тогда российская армия оставила Бучу, и сообщения о казнях мирных жителей, пытках и изнасилованиях заставили женщину испугаться за 23-летнюю дочь и 10-летнего сына. «Я, естественно, спрашивала родителей, они напрочь отказались выезжать. И сестра сказала: "Я еще немножко подожду"», — говорит она.

Покинуть город было непросто. Херсонцев не обеспечивали «зелеными коридорами», выбираться приходилось на свой страх и риск, минуя многочисленные российские блокпосты. К тому времени в Херсоне были проблемы со связью, отключили украинское телевидение, узнавать новости старались в интернете, который тоже работал с перебоями.

«Мы проехали 12 блокпостов. Они везде проверяли паспорта, машины. У моего мужа забрали кепочку, не поверите. То есть она лежала сверху, и военный говорит: "Ой, кепочка, я возьму?" — вспоминает Елена. — Ну, если мы можем просто отделаться кепочкой и нас пропустят, ради бога. Было еще зарядное устройство — один сказал, что готов у нас его даже купить, но когда едешь из такого места, какое "куплю"... В конце Снигиревки[5] уже стояли наши.

Когда мы увидели их, пытались бросаться им на шею, а они нам говорили: "Быстрее, быстрее проезжайте, потому что могут начать стрелять вслед"».

Дальше беженцы ехали через Николаевскую область, которую активно обстреливали; по всем обочинам были установлены предупреждения о минах, говорит

Корний. Семья доехала до Черновицкой области на западе Украины, а позже перебралась в Польшу.

«Мы обязательно дождемся освобождения». Похищение

Ирина Горобцова осталась в городе и переехала к родителям на окраину Херсона. Окна квартиры у них выходят в сторону Чернобаевки, семья каждый день наблюдала, как обстреливают Николаев.

Ирина продолжала писать в соцсетях посты в поддержку украинских военных и выкладывала сообщения о сборах для помощи мирным жителям.

«Мы сильные, мы есть друг у друга, мы обязательно дождемся освобождения и будем плакать от счастья, обнимая наших военных», — говорилось в одним из постов в ее инстаграме.

11 мая Ирина поменяла аватарку в поддержку защитников «Азовстали». 13 мая у Горобцовой был день рождения, ей исполнилось 37 лет. В тот же день в восемь утра за ней пришли российские силовики.

Дома были только Ирина и ее мать, отец ушел покупать хлеб, за которым нужно было отстоять длинную очередь, рассказывает сестра Горобцовой. Неизвестные в масках и форме были вооружены автоматами. Они позвонили в квартиру и пригрозили выломать дверь. «Ну, естественно, им открыли. На площадке было шесть человек. И плюс еще были двое, у которых в руках были кувалды, — говорит Елена. — Они абсолютно ничего не зачитывали, никаких

разрешений на допрос, на обыск, ничего у них не было этого».

Мать Ирины заперли на кухне; когда из магазина вернулся отец, его тоже отвели в отдельную комнату. Силовики обыскали всю квартиру, забрали ноутбук, мобильные телефоны, пауэрбанк Горобцовой и компьютер ее отца — военные интересовались, почему в нем «много информации по физике», и мужчина объяснил, что они с супругой преподают этот предмет.

Дома у Ирины был флаг Украины, и это очень разозлило одного из офицеров. После обыска Горобцову забрали, разрешив взять с собой только паспорт. Плачущей маме силовики на прощание пообещали, что вечером Ирина вернется.

«Говорили, что у них много людей погибло. И они, видимо, искали, людей обвиняли [в помощи ВСУ], — предполагает Елена. — В один день с моей сестрой забрали еще дядю коллеги Иры. Но его буквально через три дня отпустили, и он сразу выехал. Дело в том, что его избили и пытали током. Но вполне может быть, и ее публикации в соцсетях могли повлиять. И плюс фотографии она выставляла с митингов».

«Указанное лицо оказало противодействие СВО». В плену

Ирина не вернулась ни вечером, ни на следующий день. Когда ее родители пришли в российскую военную комендатуру, им сообщили, что с Горобцовой «работают». Передать собранные для

нее вещи там отказались. Елена со своей стороны обратилась к украинским властям: написала заявления в СБУ, полицию, прокуратуру, ей помогли подать жалобу в Европейский суд и ООН.

Позже отец Ирины решил написать в российскую ФСБ и в конце прошлого июня получил ответ, что «указанное лицо оказало противодействие специальной военной операции», поэтому «решение в отношении нее» будет принято «после окончания СВО». Где держат Горобцову, ему не сообщили.

В просьбе встретиться с дочерью спецслужба отказала — «в целях недопущения разглашения сведений, которые могут нанести ущерб безопасности России». Помимо ФСБ, отец Горобцовой писал и в Росгвардию, и Путину, и российской омбудсменке Татьяне Москальковой, но либо получил отписки, либо вообще не дождался ответа.

В конце лета через знакомых стало известно, что Ирину могут держать в симферопольском СИЗО в аннексированном Крыму. Родители отправились туда, но добиться какого-либо ответа от начальства изолятора или оставить дочери передачку им не удалось. После этого семья заключила соглашение с адвокатом Эмилем Курбединовым, известным по делам против крымских татар. Он выяснил, что Ирину действительно держали в СИЗО-1, а в октябре прошлого года перевели в только построенное СИЗО-2 в Симферополе. Встретиться с доверительницей ему до сих пор не разрешили.

«Несколько раз я получил от МВД и ФСБ информацию, что она действительно задержана как

лицо, которое "осуществляло противодействие СВО", находится в СИЗО "в соответствии с законом, никакие права у него не нарушены", — говорит Курбединов. — Что касается самого СИЗО и ФСИН по Крыму, они напрочь отрицали, что она там, мне просто сообщали, что такой никогда у них не было и нет».

Адвокат обратился также в Министерство обороны России и получил ответ, что, по их данным, Ирина Горобцова «не проходит как лицо, которое осуществляло противодействие» российским властям. «То есть опять противоречие», — отмечает защитник.

Подтвердить, что Ирина находится в симферопольском СИЗО, помогли и два письма, которые передали родным. «Часть письма была зачеркнута, она обращалась к подружке, видимо, ее письмо она получила, — говорит Елена Корний. — Она просила вещи. Ну, просила прощения за то, что доставила родным своим... за то, что родителей заставила нервничать. Естественно, мы попытались ей написать письмо в ответ, много раз, но, видимо, наших писем она не получала».

Еще одно послание от Ирины семья смогла получить от девушки, которая оказалась в СИЗО вместе с Горобцовой, после того как попыталась выехать из оккупированного Херсона через Россию. В СИЗО в Крыму ее продержали около месяца.

«Вот уже эта девочка рассказала, что и как там вообще происходило. Кормят их, конечно, помоями, Ира, как она сказала, очень похудела. Суп — это не суп, это вода

с капустой. Дают ей булку хлеба и что-то типа чая, — рассказывает Елена. — И Ира, конечно, все время плачет, изо дня в день. У нее еще есть проблемы со здоровьем, ей буквально за год до войны выявили аневризму головного мозга, поэтому ее очень мучают головные боли сильные».

В письме, которое родителям передала бывшая арестантка СИЗО, Ирина писала, что из Херсона ее почти сразу увезли в Крым и три месяца держали одну в камере. Спасало ее только то, что давали читать книги.

«Ее не били, не пытали. Но дело в том, что на нее давят морально, — объясняет Елена. — У нее был один допрос, и на этом допросе они повесили утюг перед ее глазами, это нам рассказала та девочка со слов Ирины. И типа: "Мы же тебе ничего не делаем, рассказывай сама". А что рассказывать? Непонятно, чего они хотят».

Адвокат Курбединов отмечает, что против Горобцовой не возбуждали никаких уголовных дел, фактически ее держат в СИЗО без каких-либо оснований. Недавно он через ФСБ направил жалобу в Киевский районный суд Симферополя на то, что ему не дают встретиться с доверительницей. В заявлении он потребовал, чтобы с документом ознакомили саму Горобцову — чтобы она могла узнать, что у нее есть адвокат. В ответ защитник получил от силовиков отписку, в которой указано, что «до настоящего времени» на Ирину «не возбудили уголовного дела». В суд документ передавать не стали.

«Моя задача — с ней встретиться и поговорить, — отмечает защитник. — Они напрочь отказываются это позволять. В последнем письме вообще мне ответили, что никаких встреч с ней быть не может, что все, что касается нее, — это государственная тайна и при встрече она может разгласить государственную тайну. Какой-то полнейший бред».

Семья Ирины обратилась к украинским властям, которые занимаются возвращением пленных, и теперь она есть в списках на обмен.

Председатель общественной организации «Крым*SOS*» Алексей Тильненко в начале этого года говорил, что около 60 похищенных жителей Херсонщины находятся в разных СИЗО на территории Крыма.

«Некоторых из этих людей вывозят из Крыма на территорию России. К пленникам применяют пытки, не оказывают медицинскую помощь. Нарушены условия пребывания», — рассказывал Тильненко. Вернуть этих людей трудно, потому что не существует такой процедуры обмена гражданских, как с военнопленными.

Россия не считает похищенных мирных жителей пленными и называет их «задержанными за противодействие СВО», отмечал украинский правозащитник Михаил Савва; на таком же основании похитили и Горобцову. Такая формулировка позволяет российским силовикам держать пленников до конца войны.

«Да, государство-оккупант может задержать гражданского, если оно его в чем-то подозревает. Но

как только исчезли причины, вызвавшие задержание, то этого человека должны немедленно освободить безо всяких обменов, он не военнопленный, — подчеркивает правозащитник. — А Россия их не освобождает».

Елена уверена, что силовики хотят «сломить патриотический дух» сестры и намеренно держат ее в изоляции. По словам прожившей с Ириной месяц в СИЗО девушки, сотрудники ФСБ говорили Горобцовой, что Россия подавала ее на обмен, но Украина отказалась.

«Типа, "вы им не нужны", мол, "никто вас не ищет", — возмущается Елена. — Когда эта девочка вышла из СИЗО, она мне написала такую вещь: "А вы вообще куда-то обращались, чтобы Ире чем-то помочь?". Вы понимаете, мы год пытаемся ей помочь! В последнем письме она просила: "Напишите хоть кто-нибудь, хоть что-нибудь". Я написала про погоду. С одной стороны, я сидела, плакала, потому что я не могу сестре ничего написать из того, что я делаю, что прикладываю все усилия, чтобы ей помочь. И было интересно, получит она такое хотя бы письмо».

Ответа Корний так и не получила, и от Ирины с ноября прошлого года не было никаких вестей.

Редактор: Мария Климова

1. Вооруженные силы Украины (ВСУ).

2. Пост был опубликован в инстаграме; сейчас профиль у Горобцовой закрыт.

3. Senior QA Engineer.

4. Бывший украинский политик Владимир Сальдо после вторжения пошел на сотрудничество с Россией и был назначен главой оккупационной администрации Херсонской области, а после — временно исполняющим обязанности губернатора.
5. Город в Николаевской области, на границе с Херсонской, также находился под оккупацией и был освобожден одновременно с Херсоном.